

RECENZIJOS

Балто-славянский сборник. М., „Наука“, 1972, 424 с.

„Балто-славянский сборник“ (отв. редактор В. Н. Топоров), подготовленный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, посвящен различным аспектам взаимодействия балтийских и славянских языков. В сборнике опубликованы 3 рецензии и 15 статей, написанных видными советскими и зарубежными славистами и балтистами: В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым, З. Зинкявичюсом, Р. Эккертом (ГДР), Я. Отрембским (Польша) и многими другими. Большинство материалов посвящаются основной теме — балто-славянским контактам; в некоторых статьях обсуждаются различные конкретные вопросы функционирования и эволюции балтийских языков, а также и мифологии балтийских народов.

Учитывая разнообразие содержания публикуемых в сборнике исследований и весьма ограниченное место, имеющееся в нашем распоряжении, мы вынуждены сконцентрировать свое внимание только на некоторых статьях — прежде всего на тех, в которых обсуждаются вопросы диахронической и синхронической фонологии. Как известно, именно фонология была в центре научных интересов замечательного литовского балтиста Й. Казлаускаса, памяти которого (как и памяти польского языковеда Я. Отрембского) посвящается сборник.

В статье „О развитии балтийского вокализма“ (с. 5—14) З. Зинкявичюс пытается опровергнуть гипотезу Й. Каз-

лаускаса и В. Мажюлиса¹, согласно которой в качестве общепалтийских гласных нижнего подъема восстанавливаются сравнительно закрытые (в заднем ряду — и лабиализованные) фонемы типа *e, *ɔ, *ē, *ō. Аргументация в основном сводится к попытке доказать, что общелитовские прототипы западнолитовских a и o были открытыми нелабиализованными гласными типа современных a и ā. Выдвигаются и некоторые возражения, направленные против предполагаемого закрытого характера *e и *ē, но эти доводы снимаются предложенным в заключительных абзацах (с. 13) общепалтийским треугольником гласных², в котором *e и *ē помещены на одном уровне с *ō, а не с *a и ā — такая схема, несомненно, отражает средний подъем (значит, и явно закрытый характер) этих гласных. Поэтому ясной и непротиворечивой можно считать только позицию автора в отношении к *a (*ɔ) и *ā (*ō).

Наиболее вескими доводами З. Зинкявичюса, направленными против реконструкции краткого *ɔ, следует считать такие рефлексы общелитовских сочетаний типа *le* в некоторых восточнолитовских говорах, как *luntà* < *lentà* „доска“, *pelùs* < *pelès* „вин. п. мн. ч. мышей“. Автор убежден, что эти факты объясняются только такими цепочками изменений: *lentà* > *lantà* > *luntà*, *pelès* > *pelàs* > *pelùs*; переходы типа *le* > *lɔ* он считает невозможными ввиду того, что в тех восточных говорах, в которых *e* сужено до среднего подъема, имеет место только изменение типа *le* > *lɛ* (ср. *ledas* > *lɛdas* „им. п. ед. ч. лед“). Об эволюции *un* < *an* (а не *un* < *ɔn*), по мнению З. Зинкявичюса, свидетельствуют восточ-

¹ Казлаускас Й. К развитию общепалтийской системы гласных. — ВЯ, 1962, № 4, с. 20—24; Мажюлис В. Заметки по прусскому вокализму. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 191—197; V. Mažiulis. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. V., 1970, с. 11—40 и др.

² Впервые такая система была предложена в книге: Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966, с. 22.

нолитовские имена *Untānas, Uñdrus*, восходящие, по-видимому, к польским *Antoni, Andrzej*.

Реконструкции долгого * \bar{a} (вместо * \bar{a}), как полагает автор, противоречит литовское краткое *-a*, восходящее к акутированному (в северо-западных говорах — и к безударному циркумфлектированному) * \bar{a} : гласный * \bar{a} мог сократиться только в *-o* или *u*, как это произошло в говорах при изменении более позднего *-ō* (< * \bar{a}), ср. т. н. вельюонские (*veliuoniškių*) *sāku ~ sāko* „говорит, -ят“, *vilku ~ vilko* „род. п. ед. ч. волка; тащил, -ла, -ли“. В пользу традиционной точки зрения приводятся и многие другие факты: а) наблюдаемое в восточных говорах градуальное изменение, происходящее на наших глазах, $\bar{a} > \bar{a} > \bar{o} > \bar{o}$, б) передача славянского *a* посредством *o* в заимствованиях, в) графема *a* в соответствии с лит. \bar{o} (\bar{a}) в древнерусских документах и т. д. Вокализм типа *o, io*, встречающийся в финоугорских языках вместо ожидаемых *a* и \bar{a} в балтийских заимствованиях³, З. Зинкявичюс возводит к специфическим особенностям неизвестного древнебалтийского идиома (языка или диалекта), своим вокализмом резко отличавшегося от известных балтийских языков.

К сожалению, все эти интересные возражения и рассуждения в большинстве случаев не достигают цели. Их убедительность значительно пострадала от явного предубеждения автора по отношению к обсуждаемой гипотезе и связанного с этим нежелания до конца разобраться в „правилах игры“, предложенных новой точкой зрения: сделать из нее все возможные следствия и посмотреть на факты как бы с обратной стороны, как этого требует сама суть обсуждаемой гипотезы — исключительно тонкой и парадоксальной в самом положительном смысле этого слова. По-видимому, это (в некоторой степени — и по существу дофонологические исходные позиции) и помешало З. Зинкявичюсу заметить положительные моменты в критикуемой концепции и теневые стороны своей собственной аргументации. А на самом деле эта аргументация может считаться достаточно убедительной только

³ Самый полный список и анализ таких заимствований с точки зрения обсуждаемой гипотезы см. А. Breidaks. *Baltijas somu valolodu dati baltu vokālisma vēsturei*. — LPSR ZA vēstis“, 1975, Nr.4 (333), с. 90—100.

в том случае, если принять по меньшей мере три положения в качестве непреложных диахронических универсалий: 1) переходы типа $e > o$ невозможны ни при каких обстоятельствах, 2) в процессе эволюции языка звуки не могут вернуться к состоянию, близкому к исходному, 3) лабиализованные гласные сокращаются только в лабиализованные. Но опровержение таких допущений не представляет большой трудности. Например, изменение $e > o$ наблюдается в истории русского языка (ср. *ледъ > лёд*), сокращение лабиализованного общепалтийского * \bar{o} (< и. -е. * \bar{o}) в *a* засвидетельствовано в некоторых восточнолитовских говорах (ср. ширвинтские (*širvintiškių*) *jakai* „шутки“ < „**jōkai, padūkās* „горшочек“ < **pōdūkas*⁴. Вторая „универсалия“ парируется тем хорошо известным фактом, что некоторые новые явления нередко вытесняются соответствующими более архаическими явлениями диалектов (или социолектов), получивших некоторый социальный престиж. Как простой пример такого „ретроградного“ развития можно указать появление фонемы *r* перед паузой и согласными в некоторых восточных говорах США под давлением архаических в данном отношении диалектов⁵. Заимствованные имена с *in* малоубедительны ввиду того, что литовские говоры иногда прибегают к таким субституциям даже в совершенно новых словах, полученных через посредничество литературного языка (ср. с.-жем. *banditā < banditai* „бандиты“, *kōmbaris < kambarys* „комната“), — говоры, в которых имелись только дифтонгические сочетания типа *en, in*, иноязычное *an* могли воспроизводить и усвоить только как *en* или *in*. Передачу славянского *a* западнолитовским *o* в заимствованиях можно объяснить тем, что основной пласт таких сла-

⁴ Кроме того, вельюонские *-u, -i (sāku, sāki)* скорее всего представляют собой не результат закономерного фонетического развития, а не совсем удачную попытку изменить исконные *-a, -e (sāka, sāke)* на более престижные *-ō, -ē (sāko, sākē)* южных соседей при неизбежном в таких случаях сохранении привычного количественного и динамического рисунка словоформ.

⁵ Ср. U. Weinreich, W. Labov, M. I. Herzog. *Empirical Foundations for a Theory of Language Change*. — В кн.: *Directions for Historical Linguistics. A Symposium*. Austin—London, 1968, с. 177—183.

визмов, определивший традицию дальнейших подстановок, перед тем как распространиться на всей территории литовского языка, должен был преодолеть восточнолитовский „барьер“, в котором рано развилось \bar{a} , эпизодически сохранившееся до наших дней. Те же пограничные контакты могли породить и древнерусскую традицию идентификации литовской дифоны $\bar{o} / \bar{u} / \bar{a}$ с собственным a . Кроме того, обсуждая фонетический облик древнейших заимствований, не следует забывать, что, согласно реконструкции В. Мажюлиса, современное восточнославянское a восходит к общеславянской лабиализованной фонеме $*\bar{o}$.

Нельзя считать приемлемым решением остроумную попытку объяснить o и uo финских балтизмов особенностями неизвестного балтийского „идиома“: это всего лишь отсылка вопроса от Понтия к Пилату. Научные проблемы должны решаться на основании известных, прямо или косвенно верифицируемых фактов. Такой же попыткой ускользнуть от серьезного рассмотрения вопроса представляется и фрагментарное замечание о древнепрусских фактах (с. 12). Показания Эльбингского словаря несомненно имеют некоторую доказательную силу не только потому, что он старше катехизисов не на 150 лет (как утверждает З. Зинкявичюс), а приблизительно на 250⁷, но и потому (а это самое главное), что они подтверждаются замландскими топонимами с $o = \bar{z}$ -лит. o (ср. -лат. \bar{a}), зафиксированными в XIII и XIV вв., например: *Bevoten* (ср. лит. *Bijōtai*), *Wosispile* (ср. лит. *ožūs* „козел“)⁸. Даже не зная конкретной хронологии и других экстралингвистических фактов, можно с уверенностью утверждать,

⁶ V. Mažiulis, Указ. соч., с. 30.

⁷ Известно, что текст этого словаря представляет собой копию снятой с текста, написанного в начале XIV или в конце XIII в. (W. R. Schmalstieg. *An Old Prussian Grammar: The Phonology and Morphology of the Three Catechisms*. University Park—London, 1974, с. 4).

⁸ Этими и другими топонимами К. Буга (K. Būga RR, t. III, с. 106—107) доказывал, что гласные \bar{a} / \bar{u} , встречаемые в катехизисах, восходят к (прусскому!) \bar{o} . На это мнение К. Буги и его аргументы сторонники „классической“ трактовки общепалтийского вокализма не обратили должного внимания.

что диалект Эльбингского словаря в интересующем нас отношении архаичнее диалекта катехизисов, так как в нем фонема \bar{a} (или $\bar{ā}$) еще не расщеплена на \bar{a} и $\bar{ū}$.

Итак, можно делать вывод, что опровержение гипотезы Казлаускаса—Мажюлиса и на сей раз не состоялось. Но все же большой опыт и тонкая проницательность подсказали З. Зинкявичюсу, по всей вероятности, обоснованное чувство тревоги: некоторые нюансы функционирования и эволюции фонологических систем балтийских диалектов легче и проще объясняются, если принять исходную систему с нелабиализованными $*a$ и $*\bar{a}$. Во-первых, такая система легче согласуется с известной нейтрализацией и дефонологизацией оппозиции $e : a$ (в некоторых случаях, по-видимому, и $\bar{e} : \bar{a}$), распространенной в диалектах всех известных балтийских языков: переходы типа $e \rightleftharpoons a$ требуют изменения только одного фонетического признака, а переходы типа $e \rightleftharpoons o$ предполагают изменение двух признаков (ряда и огубления). Во-вторых, распространение лабиализации на все гласные заднего ряда легче представить и обосновать в таких системах, которым свойственна оппозиция мягких (дизных) и твердых (простых, или бемольных) согласных или так называемых группофонем, — существование же этой оппозиции в общепалтийском представляется сомнительным (по крайней мере — недоказанным). В-третьих, своеобразный вновь и вновь повторяющийся $\bar{a} \rightleftharpoons \bar{u} \rightleftharpoons \bar{a}$ напряженных гласных типа $\bar{e}, \bar{ā}$ является такой яркой тенденцией развития вокализма многих балтийских диалектов, что обратное развитие в прошлом (даже очень отдаленном) представляется почти невероятным. Довольно подозрительно выглядит и вокалическая система без такой универсальной фонемы, как a (в особенности при отсутствии убедительных мотивов такой исключительности).

И тем не менее отказ от гипотезы Казлаускаса—Мажюлиса в целом был бы субъективным и неоправданным решением, так как отрицать главный тезис этой гипотезы, гласящий, что общепалтийская система гласных к моменту распада единства была четырехугольной, нет серьезных оснований. Остовом этой системы были четыре краткие гласные $*i, *e, *a, *u$, несомненно составлявшие четырехугольник, в котором между $*e$ и $*a$ существовала особенно тесная коррелятивная связь, закрепленная продуктивной апофонией $e : a$. Подсистема дол-

гих гласных опирается (по терминологии Е. Куриловича — *est fondée*) на подсистему кратких, поэтому можно с уверенностью утверждать, что общебалтийские *ē и *ā были гласными того же нижнего подъема, как и *e, *a, связанные с ними количественным аблаутом, — об этом убедительно свидетельствует появление новой апофонии *ē : *ā, копирующей по фониию кратких e и a. А это значит, что и подсистема долгих гласных была четырехугольной и состояла из следующих 5 фонем: (передний ряд, высокая тональность) *ī, □, *ē (□ — пустая клетка) и (задний ряд, низкая тональность) *ū, *ō, *ā. Как правильно указал американский лингвист М. Бэрвелл⁹, система, в которой количество гласных заднего ряда превышает количество гласных переднего ряда, с общезвонической точки зрения не может считаться нормальной. Именно вследствие своей аномальности эта система и оказалась неустойчивой: в одних диалектах это привело к частичной монофтонгизации *ei ≥ *ē (> ie)¹⁰, заполнившей пустую клетку в переднем ряду, в других — к полному или частичному устранению корреляции e : a = ē : ā. Эти процессы трудно поддаются осмыслению и объяснению, если принять треугольник Хр. Станга, поддерживаемый З. Зинквичюсом и некоторыми другими лингвистами (например, вышеупомянутым М. Л. Бэрвеллом и У. Р. Шмолстигом): в нем нет ни малейшего зачатка тех событий, которые происходили в истории вокализма отдельных балтийских языков и диалектов. Система Казлаускаса—Мажюлиса представляет собой более надежную и лучше обоснованную „точку отсчета“ этих процессов. Что каса-

ется фонетических признаков фонем *a и *ā, достоверно доказанным (и доказуемым) можно считать только то, что эти гласные обладали ярко выраженным низкотоновальным тембром, близким тембру лабиализованных (бемольных) гласных заднего ряда; доказать же (по-видимому, избыточную) огубленность этих гласных современными методами лингвистической реконструкции нельзя. Казлаускас и Мажюлис, постулируя свои *ɔ, *ɔ̄ (или *o, *ō₂), допустили лишь ту с фонологической точки зрения малозначительную неточность, что слишком узко и конкретно определили фонетические признаки этих фонем. Как известно, артикуляция низкотоновальных и бемольных гласных может быть не только огубленной, но и крайне задней (фарингализованной)¹¹, — по-видимому, такими крайне задними (вроде английского [a:] в словах типа *are, car*) и были основные аллофоны общебалтийских *a и *ā¹². Это, разумеется, не исключает возможности существования некоторых более или менее лабиализованных аллофонов в определенных контекстах (например, после губных и заднеязычных согласных и/или перед тавтосиллабическими носовыми сонантами), хотя доказать такое предположение не представляется возможным (как, впрочем, и опровергнуть такую догадку).

Предлагаемая несущественная переформулировка сохраняет все преимущества гипотезы Казлаускаса—Мажюлиса и одновременно освобождает ее от тех несущественных фонетических нюансов, которые вызвали отрицательную реакцию некоторых лингвистов, не заметивших здоровое ядро и исключительно большую объяснительную силу этой гипотезы.

Статья Т. М. Судник „Lazūnai. Литовская, белорусская и польская фонологические системы“ (с. 15—115) представляет собой главу в настоящее время уже опубликованной большой работы „Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем“ (М., 1975), которая подвергалась пространному (но,

⁹ M. L. Burwell. The Vocalic Phonemes of the Old Prussian Elbing Vocabulary. — В кн.: *Baltic Linguistics*. Edited by Th. Magner and W. R. Schmalstieg. University Park—London, 1970, с. 14.

¹⁰ Это произошло, по всей вероятности, не во всех ударных слогах, как полагал Я. Эндзелин, а только в тех, которые стояли перед паузой или слогами, не содержащими передних гласных и *ī (или j): переход *ei ≥ *ē (> ie) фонетически легче объясняется как своеобразный веллярный умлаут, происшедший под влиянием твердых (велляризованных) согласных. (Ср. K. Brugmann, B. Delbrück. *Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Bd. 1(2). Straßburg, 1897, с. 191.)

¹¹ См. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. — „Новое в лингвистике“, 1962, вып. 2, с. 253.

¹² В основном такой же была первая формулировка рассматриваемой гипотезы, изложенная нам В. Мажюлисом в личной беседе весной 1962 г.: тогда говорилось именно о **крайне задней**, а не лабиализованной артикуляции.

к сожалению, недостаточно объективному и компетентному) обсуждению на страницах нашего журнала („Baltistica“, т. XII (1), с. 205—208). Это освобождает нас от более подробного анализа содержания статьи. Все же необходимо сказать, что убедительность и ценность этой работы, вызывающей восхищение своей методичностью и богатым логическим, математическим и общefonологическим аппаратом, значительно пострадала из-за того, что в ней почти полностью игнорируется просодика литовских говоров¹³. Ведь если элиминировать различительную долготу — краткость (которая, впрочем, в литовском языке является „истинным“ дифференциальным признаком, а не просодемой; см. ниже, сн. 17) и слоговые акценты, многие фонологические системы литовских говоров, даже самых западных, станут весьма похожими на славянские. Не совсем осторожно и осмотрительно в статье применяется универсальный алфавит фонетических признаков Р. Якобсона — упускается из виду тот факт, что этот алфавит является всего лишь условной схемой, которую можно наполнить реальным содержанием только посредством тщательных психоакустических и инструментальных экспериментов и подробного анализа функциональных связей всех фонологических элементов. Поэтому иерархию и даже инвентари дифференциальных признаков, предложенные в статье, и все расчеты, основанные на них, следует считать (разумеется, с некоторой оговоркой) произвольными. Особенно трудно поверить, что дифтонгоиды типа *ie*, *uo* противопоставляются другим гласным как напряженные ненапряженным, — такая трактовка этих звуков идет вразрез с многолетним опытом исследова-

¹³ Наши замечания в некоторой степени относятся и к статье Судник Т. М. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 79—89. В настоящее время имеется хорошее (хотя и несколько „старомодное“) описание фонетики и морфологии литовского говора Гервят (J. Kardelytė. *Gervėčių tarmė (Fonetika ir morfologija)*. V., 1975), по которому (как и по имеющимся в нашем распоряжении магнитозаписям) видно, что в этом говоре оппозиции гласных по долготе — краткости и слоговые акценты (в особенности на дифтонгах и дифтонгических сочетаниях) сохранены без существенных изменений.

телей литовских говоров и их истории, который свидетельствует о том, что дифтонгизация типа \bar{e} , $\bar{o} > ie$, *uo* появляется преимущественно там, где наблюдается тенденция избегать напряженных артикуляций. Спектрографические исследования тоже свидетельствуют не о большей напряженности *ie*, *uo* по отношению к другим долгим гласным, а как раз о меньшей: их формантные зоны более рассеяны и изменчивы¹⁴. Но, с другой стороны, Т. М. Судник совершенно права, считая эти дифтонгоиды не сочетаниями фонем, а самостоятельными гласными фонемами. Большой интерес представляет исследование фонотактики согласных, хотя оно и проведено на крайне ограниченном материале. При исследовании этого аспекта фонологических систем большая осведомленность автора в области теоретической фонологии и современной логики науки проявляет себя в полную силу.

В статье М. И. Лекомцевой „О взаимодействии фонологических систем в районе балто-славянского пограничья“ (с. 116—134) исследуется литовская, польская и белорусская речь нескольких коренных жителей 4 деревень Эйшишкского района Литовской ССР. М. И. Лекомцева, в отличие от Т. М. Судник, попыталась определить и зафиксировать не только внутренние, но и просодические признаки литовского диалекта и пришла к выводу, что долготы — краткости гласных и слоговые акценты („интонации“) сохраняют в этом диалекте некоторую смысловозначительную роль, хотя оппозиции по этим признакам и значительно ослаблены: наблюдается свободное варьирование количества гласных в некоторых позициях. Эти признаки иногда даже переносятся в польскую и белорусскую речь информантов, — например, в польском наблюдаются факультативные напряженные *e:*, *o:*, в белорусском — своеобразная „циркумфлексная“ интонация предупредных слогов. Значительно сближены системы и фонотактические правила согласных всех трех языков.

Эти и другие выводы представляют известный интерес для балтистов, но не

¹⁴ О сравнительно малой напряженности этих звуков говорят и наблюдения Й. Казлаускаса, который называл их дифтонгами „с большой площадью рассеивания“ (Казлаускас Й. Указ. соч., с. 22), как будто предвосхищая будущие результаты спектрографических исследований.

могут считаться достаточно обоснованными, так как фактический материал, на который они опираются, свидетельствует только о самом предварительном знакомстве автора с исследуемыми диалектами; многие записи литовских примеров оставляют желать лучшего. Некоторое неудобство для читателей (даже фонологов) представляет то, что дифференциальные признаки фонем в статье зашифрованы сокращенными символами, значение которых не раскрывается (например, *V* — гласный, *Sp* — компактный, *T* — напряженный). Слишком осложнены и ненаглядны формулы, описывающие различные фонотактические закономерности.

В статье „Фонологический облик конца слова в одном жемайтском диалекте“ (с. 135—139) С. М. Толстая пытается решать задачи, с которыми трудно справиться даже очень искушенному специалисту по литовской диалектологии и фонетике, если он не является представителем жемайтского наречия. Дело в том, что безударные гласные конца слова в этом диалекте при нормальном и быстром темпе речи представляют собой не слогаобразующие сегменты, а всего лишь соответствующую окраску предшествующего согласного и гласного. Например, такие минимальные пары, как *šakė* „вилы“: *šaki* „вин. п. ед. ч. Шакиса (фамилия)“: *šaku* „род. п. мн. ч. вил“, различаются только по специфическому тембру *k* и *ā*, который, как правило, совсем не воспринимается представителями других говоров (и, тем более, языков), в особенности в связной непринужденной речи. Второй трудностью, с которой столкнулась и не справилась С. М. Толстая, является различное развитие во флексии безударных кратких гласных, восходящих к общелитовским кратким, и тех кратких гласных, которые появились в результате сокращения долгих акутированных окончаний. Первые в жемайтском наречии исчезли бесследно, не оказав сопротивления даже оглушению звонких смычных согласных перед *-s* < *-as* (напр.: *dārps* ~ *dārbas* „работа“, *žiuoks* ~ *žiogas* „кузнечик“, *bāts* (иногда *bāc*) ~ *bādas* „голод“); вторые же при нормальном темпе речи сохраняются (напр.: *dūnà* < **dōnā* „хлеб“, *šarkās* < **šarkās* „вин. п. мн. ч. сорб“), подвергаясь лишь незначительной редукции, — полное их исчезновение возможно только перед начальным гласным следующего слова (напр.: *ta būob atēis* = *ta' būobà atēis* „эта женщина (баба) придет“) или в крайне ускоренной

речи (скороговорке). Автор статьи не обратила внимания на это различие и тем самым обрекла себя на неизбежные ошибки как при фиксации конкретных фактов, так и при их обработке. Поэтому статью нельзя считать достоверным источником фактологической информации¹⁵. Но, несмотря на все недостатки, она исключительно интересна и важна для исследователей балтийских диалектов, так как в ней впервые обращено серьезное внимание на темп (или так называемый стиль) речи как один из важнейших факторов, определяющих фонетический облик и развитие фонологической структуры жемайтского слова. Очень важен и вывод о том, что сохранение звонких шумных перед глухими в некоторых случаях означает функциональное сохранение гласных фонем, подвергнутых (как правило, при ускоренном темпе речи) полной редукции (с. 139). Эти общие выводы способствуют дальнейшему уточнению и утончению как синхронических, так и диахронических исследований фонетики и фонологии северо-литовских (по-видимому, и многих латышских) диалектов. В этом, а не в конкретных наблюдениях и заключается основная ценность работы С. М. Толстой.

Интересно задумана и с общefonологической точки зрения хорошо выполнена работа И. Н. Топоровой „Дистрибуция фонем литовского языка“ (с. 140—173), в которой автор успешно воспользовалась методикой, несколько раньше примененной для описания сочетаний русских графем¹⁶. В основных обобщениях и выводах статьи, вообще говоря, неплохо отражены важнейшие фонотактические закономерности литовского литературного языка; хорошо обоснована монофонемная интерпретация дифтонгоидов *ie*, *uo*.¹⁷ В статье видна

¹⁵ Можно только высказать сожаление о том, что некоторые ошибочные „наблюдения“ уже успели попасть в другие работы (ср. Лекомцева М. И. К типологической характеристике фонологических систем диалектов латышского языка. — В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 232, сн. 21).

¹⁶ Топоров В. Н. Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка. — В кн.: Структурная типология языков. М., 1966, с. 65—143.

¹⁷ Но трудно согласиться с расщеплением долгих гласных на соответствующие краткие (точнее — беспризнаковые) фонемы и просодический признак долготы,

хорошая теоретическая подготовка автора. Поэтому очень досадно, что И. Н. Топорова недостаточно старательно выполнила подготовительный цикл работы: не ознакомилась с некоторыми тонкостями фонетики и правописания литовского языка; подбирала и фиксировала материалы для своего исследования без необходимой критичности и внимательности; не уточнила ни для себя, ни для читателей хронологические и географические рамки исследуемой языковой системы. Например, такие интерпретации и примеры, как $b' + a - biauris$, $b' + u - biurti$ (с. 145), $p' + a - piauти$, $p' + o - piové$, $p' + u - piudyti$ (с. 150) и др., показывают, что автор неправильно прочитала сочетания букв b , $p + i$, в начале слова перед гласными заднего ряда передающие группы согласных /pj/ /bj/; наличие в списках таких сочетаний, как $\check{s} + b - išbėga$, $\check{z} + p - užpakalis$ (с. 144), $- bk - gnybk$, $- bs - gnybs$ (с. 165), свидетельствует о том, что не обращено внимание на согласование (нейтрализацию) шумных согласных по звонкости—глухости и т. д. Неясно, из каких источников взяты такие нам неизвестные (скорее всего, искаженные) примеры, как $sukauti$ (с. 141), $saviuka$ (с. 145), $cigarė$ (с. 146), $fabrikė$ (с. 147), $biečiamoji$ (с. 148), $ubia$ (с. 151), и как в списках оказались некоторые давно забытые или даже никогда не существовавшие сочетания, вроде $s + ie - spaciėra$ (с. 146) и $ie + x - patiecha$ (с. 148)¹⁸. Из-за таких ошибок и многочисленных опечаток статья требует от читателя повышенного внимания и предосторожности, но, как говорится, игра стоит свеч: статья весьма содержательна, ее выводы в основном правильны, а неточ-

так как в центральном инвентаре фонем литературного языка и западноукштайтского диалекта нет кратких гласных, соответствующих долгим \bar{e} , \bar{o} .

¹⁸ В говорах и даже в памятниках письменности встречаются только слова $patieka$, $str(i)okas$, $sukatos$, а не $patiecha$, $strochas$, $suchatos$ (с. 142).

ности пагубного влияния на ее содержание не оказали. Методика, примененная в ней, может быть использована при описании фонотактики других языков и диалектов.

Итак, мы рассмотрели все статьи „Балто-славянского сборника“, посвященные вопросам фонетики и фонологии. В заключение хотелось бы еще сделать одно замечание по поводу характерной оплошности, встретившейся в статье Е. Й. Гринавецкене „Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (на материале языковых контактов в юго-восточной Литве)“ (с. 394 — 408). Автор в предпоследнем абзаце пишет: „В литовском говоре перед согласными k и g отсутствуют задненебные согласные η и η' , а также согласный m из n перед b , p , вторично путем ассимиляции возникшие во многих литовских говорах и в литературном языке. Древние переднеязычные n и n' здесь сохранились без изменения, как в контактирующих славянских говорах“ (с. 408; разрядка наша — А.Г.). На самом деле литовский заднеязычный аллофон фонемы /n/ перед согласными типа /k/, /g/ значительно древнее славянского переднеязычного, возникшего в результате падения редуцированных. Хорошо известно, что заднеязычный [ŋ] существовал в древнегреческом, латинском, древнеиндийском и других языках и считается общиндоевропейским наследием как в более ранних, так и в новейших исследованиях по индоевропейскому языкознанию¹⁹. В славянских языках [ŋ] не мог сохраниться из-за действия закона открытых слогов.

К сожалению, такие досадные промахи в „серийной продукции“ литовской лингвистики встречаются не так уж редко, свидетельствуя о недостаточной внимательности авторов.

А. Гирдянис

¹⁹ См. К. Brugmann, В. Delbrück. Указ. соч., с. 341—342; Барроу Т. Санскрит. М., 1976, с. 66.

V. Vitkauskas. Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas. V., 1976, 559 p.

Lietuvių dialektologai iki šiol visas jėgas buvo sukoncentravę į tarmių fonetikos ir morfologijos tyrinėjimą. Tačiau tarmių sintaksė ir leksika liko beveik neliestos. Ypač prasta padėtis su tarmių leksika. Čia, galima sakyti, beveik nieko nepadaryta. Neturėjome

išleidę nė vieno tarminio žodyno, nors mūsų kaimynai (pvz., baltarusiai, rusai, ukrainiečiai, lenkai) jau senokai tokius žodynus sudarinėja ir skelbia. Dėl tarmių niveliacijos ir bendrinės kalbos įsigalėjimo jaunoji karta nebeperima daug seniau vartotų žodžių, todėl tarminės